

Кранк Эдуард Освальдович

канд. филос. наук, доцент

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств»

Министерства культуры, по делам национальностей

и архивного дела Чувашской Республики

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ВСТРЕЧА С АКАДЕМИКОМ Д.С. ЛИХАЧЕВЫМ

Аннотация: в эссе говорится о встрече автора с академиком Д.С. Лихачевым по поводу поэтического переложения «Слова Даниила Заточника». Цель этого мемуарного свидетельства – добавить еще один штрих к образу человека, вклад которого в русское литературоведение, в частности, и современную культуру, в целом, невозможно переоценить. Встреча состоялась в августе 1986 г.

Ключевые слова: Даниил Заточник, поэтическое переложение, Дмитрий Сергеевич Лихачев, Пушкинский Дом, воспоминания.

Середина восьмидесятых годов в моей биографии была помечена работой над поэтическим переводом «Слова Даниила Заточника» (1984–85 гг.) По мере работы над переводом передом мной стал вопрос о аутентичности прочтения текста, чему я посвятил свою дипломную работу «Стилистико-семантический анализ «Слова Даниила Заточника», которая включала в себя исследования как историко-литературного характера, так и в области исторической грамматики [1].

Закончив работу над переводом, я предпринял попытку предложить его в журнал «Новый мир». Поэт В. Сикорский, возглавлявший в то время отдел поэзии, сослался на необходимость заключения специалиста о качестве перевода. Я взял билет на поезд и отправился в Ленинград, в Пушкинский Дом, где судьба свела меня с академиком Д. С. Лихачевым.

Эта встреча никак не была запланирована. Я пришел в Пушкинский Дом что называется с улицы. Стоит заметить, что я даже не догадался взять письмо-запрос из отдела поэзии «Нового мира».

В погожий августовский день я вошел в знаменитый дом с ротондой. Вахтер указал мне, как пройти в Отдел древнерусской литературы. Там застал я Лидию Викторовну Соколову, центром научного интереса которой был именно Заточник. Было лето, пора отпусков, и вообще было странно, что я кого-то встретил, тем более – человека, который занимался именно Даниилом. Это была удача. Я рассказал Лидии Викторовне о цели своего появления, оставил ей рукопись переложения и большую клеенчатую папку с институтским дипломом, отпечатанном на машинке. Мы договорились встретиться на следующий день.

При новой встрече она сообщила мне, что ее заинтересовал мой диплом; по поводу же переложения выразилась довольно неопределенно, сказав, что отдала рукопись профессору Олегу Викторовичу Творогову, с которым устроила мне встречу.

Она состоялась еще через день или два и тоже носила случайный характер. Профессор собирался лечь в больницу. Академическая клиника находилась в двух шагах от Пушкинского Дома, и мы увиделись на больничной лестнице, куда профессор пришел с авоськой в руке. Лидия Викторовна представила меня.

– Что ж, я прочитал переложение, – сказал Олег Викторович, обращаясь не столько ко мне, сколько к моей спутнице. – Честно говоря, я не понимаю, зачем вообще переводить древнерусские тексты, тем более стихами (тут я почувствовал себя более чем неуютно), но, – продолжал он, – если молодой человек сделал это, то он уже ответил на этот вопрос.

Я перевел дух. На том и расстались. Мы с моей патронессой зашли в Пушкинский Дом, встретили там заведующую аспирантурой Н.Ф. Дробленкову, которая уже была наслышана обо мне, и то ли в этот раз, то ли при следующей

встрече пригласила меня в аспирантуру. Всё это было замечательно, однако заключения специалиста на мое переложение у меня не было. Как же быть?

— Послушайте, — сказала однажды Лидия Викторовна, — а ведь завтра Дмитрий Сергеевич будет в институте. Приходите часам к двенадцати, я постараюсь устроить вам встречу...

Казалось бы, всё складывалось как нельзя лучше. Но тут меня начали одолевать сомнения. Дело в том, что, читая книги, статьи и учебники Д.С. Лихачева, я, признаюсь, не испытывал особенного восторга. Более того, до моего появления в стенах Пушкинского Дома я был предубежден против академика. Мне казалось, что его авторитет был того же свойства, что и авторитет генеральных секретарей ЦК КПСС, сменявших в ту пору друг друга с некоторой поспешностью (Брежнев, Андропов, Черненко, Горбачев), т.е. что академик, в моем тогдашнем представлении, был своего рода «генеральный секретарь» по культуре. Плюс мне внушала недоверие простота языка, какой отличались его статьи и учебники. И наконец, третье соображение носило принципиальный характер: я не был согласен с трактовкой образа Даниила как скомороха, а также с той суворостью, с какой Лихачев к ним относился [См., напр.: 2, с. 241–258; 4, с. 24–25; 5, с. 112–113]. Полемизируя с его положениями на страницах своего диплома, я, как теперь мне думается, был неумеренно дерзок.

Стоит заметить, что с первого моего появления в Пушкинском Доме я почувствовал, что одно упоминание имени Дмитрия Сергеевича сопровождалось словно бы особым шевелением воздуха — настолько ощутим был пиетет в его адрес. Это меня в немалой степени смущало, и предстоящая аудиенция представлялась мне чем-то не очень приятным, ведь я становился в зависимость от того, как оценит академик мой труд.

В полдень следующего дня я был в институте. Лидия Викторовна проводила меня в большую комнату, уставленную старинной мебелью. Эта комната была чем-то вроде приемной; было жарко, дверь кабинета Дмитрия Сергеевича была отворена настежь, и я невольно слышал голоса — его и женщины-секретаря. Судя по всему, они разбирали почту, большей частью зарубежную,

скопившуюся за время, пока Лихачев был в отпуске. Вошел какой-то человек в белом летнем костюме с иголочки и при галстуке, с брюшком, лет шестидесяти пяти. Секретарша вышла, кивнув мне и тем самым дав понять, что меня скоро примут. Лихачев, не повышая голоса, что-то довольно сурово говорил в адрес вошедшего. Через минуту тот вышел, с трясущимися губами и раскрасневшимся лицом. Мне стало совсем не по себе. Секретарша вернулась, и разбор почты продолжался.

«Зачем я пришел сюда? – думалось мне. – Кто я, чтобы мной занимался столь уважаемый человек? Сидел бы я себе в своей Тьмутаракани, как Даниил на озере Лаче, и не дергался». Мне даже явилась мысль незаметно исчезнуть, попросту сбежать, но я отогнал от себя это малодушное побуждение и остался ожидать решения своей участи – все-таки я сделал этот перевод и в нем были неплохие стихи. В конечном счете, работа над переложением «Заточника» в предшествовавшие этому визиту полтора-два года была главным в моей писательской судьбе.

Наконец, секретарь пригласила меня в кабинет и удалилась. Я вошел.

– Большая честь говорить с вами, – произнес я заранее приготовленную фразу.

Из-за огромного стола, который занимал практически всё пространство кабинета, поднялся высокого роста человек в костюме, какой-то, как мне показалось в тот момент, львиной наружности. Он подал мне руку и, пожимая мою и тем самым пытаясь всячески снизить пафос моей фразы, сказал:

– Тише... тише... Садитесь...

Я сел рядом со столом в профиль к хозяину кабинета.

– Где ваше... – он сделал вопросительный жест рукой.

В ответ я извлек из своего видавшего виды портфеля простенькую картонную затершуюся папку-скоросшиватель с текстом переложения и подал ему, отметив про себя, что это со мной впервые: человек, от которого зависит

судьба текста, не пытается избавиться от необходимости читать или от его автора, как это было в редакциях журналов, куда я обращался с «Заточником»: в «Юности», например, и том же «Новом мире», – и погрузился в чтение.

– Вы пишете, что «Слово Даниила» ни разу не было переведено. Я переводил..., – заметил Дмитрий Сергеевич несколько обиженно.

– «Ни разу не было переведено *поэтически*». Я имею в виду стихотворный перевод, Дмитрий Сергеевич, – уточнил я.

Лихачев кивнул и продолжал чтение. Через пару минут он вновь отвлекся, ища что-то на своем огромном столе, сплошь заваленном книгами, рукописями и конвертами. Не находя искомого, он вдруг обратился ко мне:

– У вас не будет... карандаша?

В нагрудном кармане рубашки у меня болтался крохотный огрызок, которым я набрасывал стихотворные строки во время своих прогулок по удивительному городу.

– Разве вот такой, – сказал я, извлекая огрызок.

– Спасибо! – Лихачев бережно взял карандашик, будто это было какое-то сокровище.

Каждый раз, когда он прикасался карандашом к страницам моего текста, меня захлестывала волна мрачнейшей досады на самого себя: ну зачем, зачем я сюда приехал? Зачем отыскаю драгоценное время у этого драгоценного во всех отношениях человека? Кто я – и кто он? Я готов был исчезнуть, провалиться сквозь землю; сейчас мне вынесут обвинительный приговор за преступление, сделанное мной по неосторожности, скажут мне о моей несостоятельности, исследовательской и поэтической, и как мне потом жить с этим приговором?

Чтобы прочитать текст, требовалось что-то около получаса. Можно представить себе мое состояние: мрачные предчувствия терзали меня, усиливаясь с каждой минутой; ожидание обвинительного вердикта становилось просто невыносимым.

Закончив чтение и ничего мне не сказав, Дмитрий Сергеевич стал опять что-то искать на своем столе. Из приемной доносились голоса: это вернувшаяся секретарша переговаривалась с кем-то из сотрудников, возможно с Лидией Викторовной. Лихачев позвал секретаршу, та помогла найти ему листок бумаги с оттиском имени академика в левом верхнем углу. Я невольно скосил глаза и увидел, как в правом углу этого именного листа он надписал: «В редакцию журнала «Новый мир». Сердце мое оборвалось. Я понял, что с минуты на минуту приговор будет оглашен. Заполнив строчками больше половины страницы, он встал (!) и зачитал следующее:

«Стихотворный перевод «Моления Даниила Заточника», если бы он был напечатан в «Новом мире», – был бы событием в нашей культурной жизни. Интерес к древнерусской литературе в широких кругах читателей сейчас очень велик, и тому есть добрые основания.

Перевод Э. Кранка в целом хорош, но я бы порекомендовал автору еще над ним поработать (в переводе есть некоторые тяжеловесности, натяжки под рифму и пр.)

Академик Д.С. Лихачев. 21 августа 1986 г. [3]

Когда я осознал услышанное, отрешился «азъ всякъ съузъ сердца моего», как пишет Даниил; я стал почти невесом – настолько окрылил меня этот отзыв, тогда как моя мнительность ожидала чего-то совершенно противоположного и в известном смысле «убийственного».

– Дмитрий Сергеевич, – обретя дар речи, спросил я своего высокого собеседника, – а что вы имеете в виду под словами «еще поработать»?

– Знаете, просто сделайте так, чтобы комар носа не подточил...

Мы простились. Я заглянул в Отдел, поблагодарил Лидию Викторовну и Надежду Феоктистовну и вышел на набережную. Всё спасено! Жизнь прекрасна!

21 августа – день рождения моей мамы. Под аркой Генерального штаба в те времена гнездился междугородный переговорный пункт. Я позвонил домой,

поздравил маму, сообщил о состоявшейся встрече с Лихачевым, книги которого она знала и высоко ценила, и о результате этой встречи. Помню, мама была очень горда мной.

На следующий день я был в Москве. В «Новом мире» меня встретил Вадим Сикорский, который и «подвиг» меня на поездку в Пушкинский Дом. Я отдал ему письмо Дмитрия Сергеевича, он прочитал и, судя по реакции, был весьма впечатлен:

– Залыгина (главного редактора) сейчас нет. Оставите письмо? – с уважением осведомился он.

– Ну уж нет, – улыбнулся я.

– Хорошо, сделаем копии… – он оставил меня ждать в кабинете отдела поэзии, а я почувствовал себя более чем просто *комфортно* в стенах редакции «Нового мира», казавшейся прежде столь неприступной. Картонный скоросшиватель с рукописью моего переложения победно возлежал у Сикорского на столе.

Итак, то, что прежде встречи с Д.С. Лихачевым можно было расценить как досужий стихотворный труд провинциального учителя литературы, получило гражданство. Вероятно, для молодого писателя важно это признание от человека другого поколения: «Старик Державин нас заметил…». Главным же итогом этой встречи был сам способ поведения восьмидесятилетнего академика: его способность незамедлительной и основательной концентрации на поставленной задаче, независимо от общественного статуса человека, эту задачу перед ним поставившего; наконец – изначальная приветливость к молодому незнакомцу, явившемуся практически из ниоткуда. Плюс эти слова при прощании: «сделайте так, чтобы комар носу не подточил»; они стали для меня чем-то вроде духовного завещания, девизом и в жизни, и в литературной работе. Следуя завету Д.С. Лихачева, я как мог старался улучшить свой перевод «Слова», время от времени к нему возвращаясь в течение ряда лет.

По не зависящим от автора причинам, поэтическое переложение «Слова Даниила Заточника» не было опубликовано в «Новом мире». Несколько позднее описываемого события оно было опубликовано в Чебоксарах, в альманахе «Дружба» [6, с. 175–190].

Список литературы

1. Кранк Э.О. Стилистико-семантический анализ «Слова Даниила Заточника». На правах рукописи / Э.О. Кранк. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ин-т, 1985.
2. Лихачев Д.С. Великое наследие / Д.С. Лихачев. – 2-е изд., доп. – М.: Современник, 1980. – 416 с.
3. Лихачев Д.С. Письмо в редакцию журнала «Новый мир» от 21.08.1986 г. / Д.С. Лихачев. На правах рукописи.
4. Лихачев Д.С. Смех в Древней Руси / Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Понырко. – Ленинград: Наука, 1984. – 296 с.
5. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I. (XI – первая половина XIV в.) / отв. ред. Д. С. Лихачев. – Ленинград: Наука, 1987. – 494 с.
6. Слово Даниила Заточника: переложение Эдуарда Кранка / Э. Кранк; предисл. П. Егорова // Дружба: литературно-художественный альманах. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1988. – С. 175–190.